

ЗИНАИДА ГИППИУС

ВЛЮБЛЁННОСТЬ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Влюблённость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25904814

Аннотация

«Мне хотелось бы сказать несколько слов по поводу статьи Д. Мережковского „Новый Вавилон“. И даже сказать не о всей статье, посвященной разбору книги Розанова „В мире неясного и нерешенного“, – а только о беглых и, может быть, неосторожно написанных строках, в которых говорится о „преображении пола“ в „христианстве“...»

Зинаида Гиппиус

Влюбленность

Мне хотелось бы сказать несколько слов по поводу статьи Д. Мережковского «Новый Вавилон».

И даже сказать не о всей статье, посвященной разбору книги Розанова «В мире неясного и нерешенного», – а только о беглых и, может быть, неосторожно написанных строках, в которых говорится о «преображении пола» в «христианстве».

Вот эти строки:

«В историческом христианстве вопрос о поле и браке еще не разрешен». «Путь к разрешению трагедии лежит, конечно, лишь в признании того абсолютного принципа, что Христос освящает плоть, что аскетизм Христа есть преобразование пола, а не его отрицание, что будущность пола – в стремлении к повой христианской влюбленности, а отнюдь не в идеале скопческого изуверства, как на то указывает Розанов. Тут великая правда грядущей церкви». «Тайна совмещения пола с евангельским учением может и должна быть найдена». «При помощи Христа загадка разъяснится, и область „неясного и нерешенного“ станет ясной и решенной».

Слова эти верны по существу, и все-таки, может быть, не следовало их говорить, не следовало так об этом говорить. Тем более что они не преждевременны; важность «вопроса о

поле» дошла, наконец, до нашего сознания, все мы требуем решения этому вопросу, он сделался, наравне с другими, – «проклятым».

Он был вечно – но в глубокой древности даже не «ощущался», затем, после христианства, стал «ощущаться» – и все-таки не «сознаться» как вопрос: ему подразумевались два ясных определенных разрешения: принять пол, отринуть пол. Принято то, что есть и как есть, – отринуть все, что есть и каким оно есть. И, сравнительно с важностью других вопросов жизни, – вопрос о поле мыслился как попутный, как представляющийся на разрешение (на «да» или «нет») – раз в жизни, по дороге к достижению высших целей; иногда – как одно из условий для достижения этих целей.

Брак и семья – никогда не был и не мог быть метафизическим решением вопроса. Брак (слитый неразрывно с деторождением) есть одна из форм реального проявления пола, может быть, самая глубокая, полная и великая, но все-таки – одна из форм, часть пола. И только уже решив вопрос пола принятием его («да»), – можно на каких-либо основаниях стоять лично и общественно за эту именно форму. Большею же частью брак принимался и принимается просто как первый, самый естественный и практический житейский выход, и «вопрос пола» таким образом вовсе не «мыслился» как вопрос. Розанов, современный «пророк» в области пола, гениальный защитник и ходатай брака, – начиная «мыслить» о вопросе пола – не может удержаться на границах брака.

Хочет или не хочет – он последователен, он утверждает весь пол, все формы его проявления, и пытается увенчать его таким пламенным венцом, лучи которого спалили бы человечество. И Розанов – необходимость; он, освещая прошлое и настоящее, – довершает, исполняет его, оканчивает для нас. Он толкнул наше сознание, может быть грубо, но разбудил его. И оно слилось с нашим, давно обострившимся ощущением: не то! не так! безобразно! или пошло! или грех! или мучительно! или смешно! И не скопчество. И не «все позволено». И – не брак. Не знаем мы тут правды, не знаем, в чем правда для нашего цельного существа, для всей нашей природы.

Действительно, если б вопрос сводился к противоречию между телом и духом – он не был бы и мировым. Просто, в зависимости от той или другой волны в истории человеческого развития – он решался бы общественно то «нет» – то «да», в частности «брак»; и лично – в соответствии с сильной или слабой волей каждого. В таком положении для человеческого сознания он и находился издавна. Для многих, невнимательных к своим ощущениям, находится и теперь. Ощущения дрожат слепо, глухо, поднимается что-то, шевелится под покрывалом – видишь только волнующуюся поверхность. Верность ощущения выражается помимо сознания в творчестве, – в искусстве, – и даже в самой жизни. Ощущением этим не приемлется (для духа и для тела равно) – ни одно из двух известных решений вопроса о поле,

ни «да» (все позволено), ни «нет» (аскетизм и его вожденный венец – скопчество), ни частное полурешение – брак. Не приемлется ли одно – как окончательное, желанное, удовлетворяющее вполне – все наше человеческое существо в целом. Бессознательно уже почти всякий знает, что оно, это существо, цельно, а не размыкается легко и произвольно на дух – плоть, душу – тело, разум – сердце и т. д. Решив покорить тело душе – мы оскорбляем душу или, не принимая ее во внимание, – мы оскорбляем тело через душу.

В ощущении приемлемости никакой из реально существующих форм пола – сходятся люди самые разнообразные: позитивисты, демонисты, сторонники святого брака по любви и семьи. Они различны лишь начиная мыслить, ибо хватаются тут за одно из готовых решений. Позитивисты кричат: не то! везде разврат! мерзость! болезни! Решение: надо упорядочить брак. Демонист, со своим «все позволено», дойдя внезапно до отвращения, неожиданного чувства ужаса, греха – и он говорит «не то!» – но мечтает о монашеской чистоте; верящий в правду и святость брака – совершив чистый брак, сойдясь с плотью с чистой девушкой, которую любит, вдруг мгновеньями тоскует, стыдится, чувствует себя безмерно одиноким, чем-то в себе оскорбленным, что-то потерявшим; примиряется, конечно, по всегда с туманной болью вспоминает о времени, когда любовь росла, облеченная тайной, и как будто жила надежда на иное, чудесное, таинственное же, ее увенчание. Даже в самом счастливом браке,

полном любви и родственной нежности, душа и тело человека смутно тоскуют порою и грезят: а ведь что-то есть лучше! Это хорошо, но есть лучше; и это, пусть хорошее, – все-таки не то! Не то!

В последнем случае не делается совсем никаких выводов, нет уже уклона ни к «да», ни к «нет», а прямо откровенное стояние лицом к лицу с неизвестным; потому что брак – узкая, неподвижная, но все-таки самая высокая точка полового вопроса, вершина горы, изведанно верная и твердая, старинная. Сидим. А хочется выше.

Бесполезно убеждать себя, что не хочется, что доволен вершиной горы, или подножием ее, или крутыми скатами; бесполезно и уверять, что горы вовсе нет, а если есть – то она не ближе к небу, не гора, а темная пропасть. Что есть – то есть. Она – есть, и человеку хочется и нужно вверх; и вверх не до конечной узкой вершины, а дальше. Не ползти, а лететь. Дальше, говорят, ничего нет. Видно же, что там – ничего. И однако все отчаяннее ползание по горе и неоспоримее, непобедимее стремление у всех, на какой бы точке они ни находились – выше вершины, дальше, туда, где Ничего...

Ничего ли?

Тут начинается великая трудность вопроса, осложненная тем, что люди, изменяясь и расширяясь и, главное – доходя до сознания своей «личности», все более и более разобщались, теряли единозначные слова и теперь почти ничего не могут передать друг другу. Иногда, случайно, передается

что-нибудь знаком, звуками. Розанов, этот великий «плото-видец» (как бывают духовидцы) – пишет полусловами-полузнаками, из звуков творя небывалые слова и небывалые их сочетания. И он показал нам плоть мира, раскрыл все ее сокровища, ее соблазны так широко и ярко, что если мы и после него не соблазнились, не удовлетворились надеждой на обожествление уже существующих форм пола и не соглашаемся на утверждение прошлого и настоящего – как навечно, если тем более остро (ибо сознательно) стремимся к будущему, куда-то дальше, к какому-то «преображению пола», к полету, – если это так (а это так) – то можно ли не считаться с нашим стремлением? Не оно ли – показатель вечной правды?

«Преображение пола в новую христианскую влюбленность», говорит Мережковский. Категорично – и дано как последний вывод, без объяснений. А объяснение нужно. Почему «влюбленность»? И почему христианская влюбленность?

Увы, мы живем в смешении слов и понятий, и еще приходится определять самую «влюбленность»! – «Я влюблен – и хочу сделать предложение во что бы то ни стало!» – говорит молодой человек, с удовольствием взирая на розовую щечку и голубые глазки девушки. «Она будет хорошей женой, партия мне подходит – и кроме того я влюблен», – рассуждает другой, более благоразумный. «Я влюблен, я пылаю, она должна быть моей!» – восклицает какой-нибудь похи-

титель чужих благополучий и определенно и последовательно начинает кампанию завоевания жены своего друга. Все они одинаково говорят «влюблен» и одинаково принимают за «влюбленность» – желание известной формы брачного соединения. То же самое может происходить и при аномалиях. Достигается ли соединение или нет, – характер этой «влюбленности» остается тем же. При достижении цели – желание достижения естественно исчезает; при недостижении – желание может длиться, слабея, и, наконец, от отсутствия всякой надежды – тоже исчезает. Но это и не следует называть «влюбленностью». Имен много; «желание» – проще и точнее других. Приятность, радость, волнение, ожидание, нежность, страсть, ненависть – все это часто входит в «желание». И все-таки оно – не «влюбленность», это новое в нас чувство, ни на какое другое не похожее, ни к к чему определенному, веками изведенному, не стремящееся, и даже отрицающее все формы телесных соединений, – как равно отрицающее и само отрицание тела. Это – единственный знак «оттуда», обещание чего-то, что, сбывшись, нас бы вполне удовлетворило в нашем душе-телесном существе, разрешило бы «проклятый» вопрос.

В самом деле, можно ли сказать, что огненно-яркое, личное чувство, о котором мы говорим, – исключительно и только духовно? А между тем попробуйте шепнуть какому угодно юноше, но горящему именно этим огнем, что его возлюбленная придет к нему сегодня ночью и он может, если захо-

чет, «обладать» ею. Да он не только не захочет, он оскорбится, он будет плакать и содрогаться. Так же и по тем же (каким?) причинам будет он отвергиваться от незаконнейшего брака, пока жива влюбленность в ее чистом, единственном, божественном виде. Но тот же влюбленный менее всего отрицает, проклинает тело своей возлюбленной; он его любит, оно ему дорого, в нем нет для него «греха». Ощущение греха, проклятие плоти – выросло исключительно из желания. «Нет» – против «да». Дух – против плоти. Но во влюбленности, истинной, даже теперешней, едва родившейся среди человечества и еще беспомощной, – в ней сам вопрос пола уже как бы тает, растворяется; противоречие между духом и телом исчезает, борьбе нет места, а страдания восходят на ту высоту, где они должны претворяться в счастье. Плоть не отвергается, не угнетается, естественно, – ибо она уже воспринята как плоть, которую освятил Христос. Мережковский говорит: «Исходя из того абсолютного принципа, что Христос освятил плоть...» Этот принцип, я думаю, никому не может более казаться не абсолютным. «Отец дал Сыну власть над всякою плотью, да всему, что Он дал ему, даст Он жизнь вечную». Взаимоотношение Христа и плоти не ясно лишь тем, кому христианство еще заслоняет Христа. И в этом неотвержении плоти – влюбленность так же проникает ко Христу, связана с Ним, неотъединима от Него, как и во всем остальном.

Только она одна, в области пола, со всей силой утверждает

личное в человеке (и нераздельно слитое с ним неличное): только со Христом, после Христа, стала открываться человеку тайна о личном. И наконец, сама влюбленность, вся, вошла в хор наших ощущений, родилась для нас только после Христа. До Него – ее не было, не могло и не должно было быть; тогда исполнялась еще тайна одной плоти, тайна рождения, и она была для тех времен последней правдой. Недаром Розанов, пророк плоти и рождения, обращает лицо назад, идет в века до-Христовы, говорит о Вавилоне, о Библии.

Нечего себя обманывать, не следует обманывать и Розанова неясными, уклончивыми ответами на его горячие недоумения и порывы: да, брак и деторождение не есть решение в христианстве вопроса о поле, не есть последнее слово Христа о нем. Это – один из законов, которые явлением Своим Он исполнил, с тем, чтобы они были отставлены, как отставляется в сторону наполненная чаша. Великое проникновение у Павла, когда он говорит о браке: «Сие даю вам не как повеление, а как позволение». И продолжает этот закон жить лишь постольку, поскольку до сих пор не «вмещается» в человечестве «многое, что Он имел еще сказать, но не могли вместить».

Сама Любовь, принесенная Им, вмещенная людьми как «жалость и сострадание» – точно ли жалость? «Будьте одно, как Я и Отец одно»... И «кто не оставит отца и матери и жены и детей ради Меня»... Не похожа ли эта, загадочная для нас, Любовь – скорее на огненный полет, нежели на братское

сострадание или даже на умиление и тихую святость? И где злобное гонение плоти аскета среди этих постоянно повторяющихся слов о «пирах брачных», о «новом вине», о Женихе – вечном Женихе, – грядущем в полночь? Иоанн, любимый ученик Его, глубже всех проник в тайну Любви, покрывающей мир; и Апокалипсис, эта самая последняя и самая таинственная книга, говорит опять о Женихе, о Невесте Его, Невесте Агнца... И дух и Невеста говорят: «Прииди...» «Се, гряду скоро...»

Какие-то лучи от этой неразгаданной, всепокрывающей Любви пронизали мир, человечество, коснулись всей сложности человеческого существа, – коснулись и той области, в которой человек жил до тех пор почти бессознательной и слишком человеческой жизнью. И тут родилось новое чувство, стремительное, как полет, неутолимое, как жажда Бога. Пусть оно еще слабо и редко, – по оно родилось, оно – теперь есть. После Христа есть то, чего до Него не было. Взглянем назад, в древность: Афродита, Церера... Развернем «Песнь песней»: солнце, чувство Бога-творящего, шум деревьев и потока, теплота крови и тела только желающего и рождающего, земля – одна земля! И безличность, ибо человек – есть его род, он и его потомство – как бы едино. Возможно ли представить себе, что до Христа или помимо Христа мог где-нибудь родиться огонь, озаривший душу Данте, Микэль-Анжело? Возможна ли была эта новая настроенность человека в любви личной, искра, которая зажигается то там, то здесь

в последние века? И «бесполезно отворачиваться, не смотреть тут в сторону Христа – все равно Он будет около. От еще слишком романтических средних веков, через Возрождение – до наших дней, до нашего Владимира Соловьева, певшего о „Деве Радужных Ворот“, понимавшего или чуввавшего грядущее влюбленности, – искры бегут, бегут, – и все разгорается. Влюбленного оскорбляет мысль о „браке“; но он не гонит плоть, видя ее свято; и уже мысль о поцелуе – его бы не оскорбила. Поцелуй, эта печать близости и равенства двух „я“, – принадлежит влюбленности; желание, страсть от жадности украли у нее поцелуй, – давно, когда она еще спала, – и приспособили его для себя, изменив, окрасив в свой цвет. Он ведь им в сущности совсем не нужен. У животных его и нет, они честно выполняют закон – творить. И замечательно, что в Азию, к язычникам, он был уже в этом извращенном виде занесен, не в очень давние времена, – „христианами“. Поцелуй – это первое звено в цепи явлений телесной близости, рожденное влюбленностью; первый шаг ее жизненного пути. Но благодаря тому, что страсть его украли, изменив – сделала всем доступным, – нам теперь и о поцелуе так же страшно и трудно говорить, страшно употреблять „слово“, как слово „влюбленность“. Один из наших маленьких поэтов („дух дышит, где хочет“; и то, что полет ощущение „не того“ в поле» – доступно не только избранным, – не доказывает ли его общечеловечность?), один из неизбранных, наш Надсон, – тоже тоскует о влюбленности, чуя что-то,

в своем: «Только утро любви хорошо, хороши только первые, беглые встречи... Перекрестных намеков и взглядов игра...» Но он уже испугался, спутался на первом шаге и говорит дальше: «Поцелуй – это шаг к охлаждению... С поцелуем роняет венок чистота...» О, да, конечно, – если это он, поцелуй желаний, украденная, запыленная, исковерканная драгоценность...

Обернемся – и опять тут, около – какие-то непонятные сближения слов, касание к многогранной Тайне: прочтите всю Библию – часто ли встретите поцелуи, братские, отеческие, нежные, страшные? А там, дальше Закона Ветхого: – «Ты целования не дал Мне, а она не перестает лобызать Мне ноги...» «Приветствуйте друг друга целованием святым», – не устают твердить ученики, – главное, Иоанн. И был ли когда-нибудь, есть ли где-нибудь – праздник поцелуев?

Неужели это лишь печать «равенства и братства»? Родные братья редко и незаметно целуются. Но вернемся опять к нашему частному вопросу, возьмем создание великого поэта, образ такой чистоты влюбленности, которому почти нет равного, хотя влюбленности еще беспомощной, потому что слишком ранней. Взглянем на «рыцаря бедного» с его широкими, белыми крыльями.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму...

Его сознанию

А. М. Д. своею кровью
Начертал он на щите...

Кровью? Чистый ли это дух, духовность?

...Он на женщин не смотрел
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел... –

в нем и чистота монаха...

Lumen coclil Sancta Rosal.

Только она! Одна, и она именно! Чувство личного.
Правда, поэт прибавляет:

Как безумец умер он, –

но что знает поэт о том, чей образ творит? И где высота духа переходит в безумие? И даже если бы... «Бедный рыцарь» был один, только один, и ничего не знал об огненной волне, его охватившей: это было – еще «непостижное уму».

Не знаем и мы – до конца – что это. Но мы уже знаем больше рыцаря. Знаем, что перед нами – чувство пола, и не имеющее ничего общего с разнообразными видами желанья, влекущего за собой которое-нибудь из существующих телесных

соединений. Ни брак – о, еще бы! ни содом (бедный рыцарь! Да простит мне его тень!) и не аскетизм, не духовность, – недаром же он кровью начертал на щите таинственное Имя.

Вот первый намек на те проявления пола, которые должны входить в «христианскую настроенность», как говорит Розанов (он иногда утверждает, и справедливо, что брачное проявление пола в христианскую настроенность не входит. Как и никакое другое из реально известных, прибавим мы). Вот точка отправления неизбежных исканий и стремлений человечества в область пола. «Пол должен быть преобразен, – говорит Мережковский. – При помощи Христа загадка разъяснится, тайна должна быть найдена и область неясного и нерешенного стать ясной и решенной».

Тайна должна быть найдена... До сих пор я, соглашаясь с Мережковским, только дополнял и пояснял его слова о повой христианской влюбленности. Отсюда начинаются мои возражения.

«Какие новые формы проявления и удовлетворения пола могут быть найдены?» – ответят и Розанов, да и люди, не сходящиеся с Розановым, – все. «Не духовные формы брачного соединения известны и стары, или, вернее, вечны, а духовное отношение к полу – отрицание его. Нельзя же создать новые явления. Влюбленность – ничем не кончается. Для того чтобы эта новая тайна нового брака была найдена – нужно физическое преобразование тела. Как разъяснится эта загадка? Чего искать?»

Эти вопросы совершенно правильны, когда они предлагаются после категоричного и краткого заявления: «Тайна должна быть найдена, загадка разъяснится». Но по существу дела они неуместны и падают сами собой, потому что тайна окончательного преобразования пола не может и не должна быть найдена, не должна раскрыться (сделаться не тайной), загадка пола не должна стать ясной и окончательно решенной.

Так же, как мир, Бог, правда, жизнь – никогда нами не могут быть познаны, но лишь все более и более познаваемы, так не узнаем мы и этой тайны. Знание есть конец, смерть, или порог безвременья, иной жизни; познание – жизнь мира, движение во времени. Христос – «путь, истина и жизнь» – но сначала путь, и весь путь до конца – а затем уже «истина и жизнь». Если мы поняли, что вопрос пола – такой же великий и мировой, как ряд других, которые вечно разрешаются и никогда не разрешены – почему он один должен быть решен раз навсегда? Искания правды, счастья, справедливости, Бога, – влекут людей вперед, и люди не устают искать, хотя правда только все более и более раскрывается, счастье только познается, Бог – только приближается. Так и небо – куда нам хочется полететь с нашей горы, – для нас – бесконечность. Нельзя долететь, дойти до конца пути (жизни) и при этом остаться на пути – в жизни же. Удовлетворение нашей жажды, достигнутая, какая бы то ни было, цель – лишает смысла искание, останавливает нас – нашу жизнь, нашу

кровь, наше сердце. Они для этого мира созданы ищущими, познающими, во времени для времени; у познавшего, у нашедшего будет иная жизнь, иное, новое сердце. Мы здесь – только стремимся, мчимся к концу, или к «туда». И так созданы, что не умеем остановиться, даже если б хотели.

Путь, лишь путь... Но в пути есть «дальше» и «ближе», и если путь вверх – то есть «ниже» и «выше». Говоря о пути и конце его, об искании и цели – о недостижимости познания и все большем и большем познании, – я говорю о каждом отдельном человеке и его пределе и о всем человечестве и конце мира. Это ведь все равно. «Истина» не будет познана здесь ни отдельным человеком, ни человечеством. Но как она все расширяется для каждого ищущего, так соответственно растет и для человечества. Сын Человеческий не сказал нам «знайте», но – «верьте». «Ибо вкусив с древа познания – смертью умрете». Нам неведомы времена и сроки, неведома долгота пути, мера того, что мы можем «вместить», познавая, приближаясь, подходя, находя. Но мы верим, что многое можем расширить, преобразить, высветлить – лишь бы путь был верен, соответствовал нашей стремительной человеческой природе, и непременно всей, в целом – и духу, и плоти. Такой, единственно соответственный, путь – дан. «Я есмь Путь...» За Ним «истина и жизнь».

Если вопрос пола – мировой вопрос, если в поле есть истинное и тайное (а это мы познали через влюбленность), – тайна будет вечно раскрываться, до конца оставаясь тайной.

«Нельзя создавать новых явлений»... – но мы ничего не создаем, создает Отец, Который «и доныне делает». А если и мы здесь думаем, хотим, надеемся, должны что-нибудь делать – то не сами, не одни, а только с Сыном, только вместе с Ним, ибо помним слова: «Без Меня не можете делать ничего». Влюбленность – создалась, через Него же, как нечто новое, духовно телесное – на наших глазах; из нее родился поцелуй, таинственный знак ее телесной близости, ее соединения двух – без потери «я»; мы не знаем, что еще встретим на пути, пока не встретим. Но загадка должна раскрываться, и внешне и внутренне, в явлениях и в познании их, звенья цепи должны нанизываться одно к другому... Лишь последнее – за рубежом.

И это ничего не меняет. Пока Розанов будет уходить назад, в землю, в глубину ее черных, темных недр, – волна человечества покатится вперед. И люди будут загораться влюбленностью, порываться лететь, падать временно от усталости на землю, подниматься выше – снова, может быть, падать в одно из готовых, временно и мало утоляющих решений, в брак, – и будут передавать детям и внукам, новым людям, еще более обостренное желание крыльев, вместе со всем, что они познали на пути до своего последнего срыва. И дети будут продолжать путь. Чего не успеем увидеть мы – увидят те, последние, которым дано будет видеть Конец. «И они не умрут, но все изменятся в одно мгновенье ока».

Пойдем же, если не для себя – то для будущих людей, и в

этой части нашей человеческой природы одним, верным путем. «Куда Я иду – вы знаете, и путь знаете...» Через Него, через Его вечное познание и вечное к Нему приближение, жизненное, молитвенное, любовное, действенное, – и всегда и непременно совместное, – нам будет вечно открываться, все яснее и озареннее, тайна о мире, тайна о Любви и Правде – и тайна о Влюбленности.